

RU

Дискурс государственного антисемитизма в СССР (на материале документов 1946-1953 годов)

Голиков Л. М.

Аннотация. Цель исследования - описать особенности дискурса государственного антисемитизма СССР периода позднего сталинизма. В статье характеризуется общность институциональных антисемитских текстов как средство охранения советского идеологического идеала от вредного воздействия евреев. Советский идеологический идеал - аксиологическая категория, противостоящая ложному, порочному, а значит, враждебному. Враждебный характер советских документов по отношению к евреям реализуется с помощью стратегии обвинения в исповедовании евреями идеологии национальной борьбы против «советского». Дискурс государственного антисемитизма СССР представляется в виде ритуала обвинения, состоящего из просьб, адресованных высшим органам государственной власти, и косвенных реакций на подобные просьбы, нацеленных на наделение евреев состоянием виновности. Научная новизна заключается в том, что в составе тоталитарного дискурса СССР в качестве отдельного объекта изучения выделяется антисемитский дискурс. В результате определена специфика выражения советского идеологического идеала, описаны дискурсивная схема и приемы достижения общей интенциональной установки антисемитских документов.

EN

The Discourse of State Anti-Semitism in the USSR (by the Material of 1946-1953 Documents)

Golikov L. M.

Abstract. The aim of the study is to describe the features of the discourse of state anti-Semitism in the USSR during the period of late Stalinism. The paper characterises the commonality of institutional anti-Semitic texts as a means of protecting the Soviet ideological ideal from the harmful effects of Jews. The Soviet ideological ideal is an axiological category that opposes everything false, vicious and therefore hostile. The hostile nature of Soviet documents towards Jews is realised through the strategy of accusing Jews of professing the ideology of national struggle against the “Soviet”. The discourse of state anti-Semitism in the USSR is presented in the form of an accusation ritual consisting of requests addressed to the highest state authorities and indirect reactions to such requests aimed at endowing Jews with a state of guilt. Scientific novelty lies in the fact that the anti-Semitic discourse as a part of the USSR totalitarian discourse is highlighted as a separate object of study. As a result, the specifics of the expression of the Soviet ideological ideal have been determined, the discursive scheme and techniques for achieving a common intentional attitude of anti-Semitic documents have been described.

Введение

Изучение проблем, связанных с особенностями институционального взаимодействия государства и человека, государства и общества, представляется актуальным в любых исторических, социальных условиях, так как государственный дискурс является прежде всего инструментом идеологического воздействия, отражающим идеал власти не только на уровне идеологем, но и на уровне прагматических установок и способов их реализации.

Оценить современное состояние российского государственного дискурса невозможно без обращения к основным вехам его развития. Одним из таких важных этапов является эпоха тоталитарного языка СССР, выступающего объектом пристального внимания лингвистической науки и по сей день (Бонола, 2017; Будаев, Чудинов, 2009; Самелик, 2021; Темникова, Филиппова, 2021; Vouilov, 2020). Наше исследование посвящено советскому дискурсу государственного антисемитизма эпохи позднего сталинизма как части общего тоталитарного дискурса, ранее не освещенному (во всяком случае, по нашим сведениям) в лингвистической литературе.

Поставленная в исследовании цель требует решения следующих задач: определить специфику представления в дискурсе государственного антисемитизма СССР 1946-1953 годов (далее – ДГА) советского идеологического идеала, выявить общие интенциональные установки и описать приемы их достижения.

Решение таких задач возможно с помощью методов прагматического и семантического анализа. Материалами исследования стали документы, опубликованные в сборнике «Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938-1953» (под ред. А. Н. Яковлева. М.: Материк, 2005; далее – ГАСССР).

Теоретической базой исследования послужили работы В. И. Карасика (1991; 2009), Г. М. Манаенко (2008), Ю. С. Степанова (1995), определившие детерминированность дискурса социальными и идеологическими условиями; труды М. А. Кронгауза (2013), Н. А. Купиной (1995), Ю. И. Левина (1994), Е. И. Шейгал (2000), представившие описание тоталитарного дискурса в СССР.

Практическая значимость исследования обеспечивается возможностью использования результатов в сфере судебной лингвистической экспертизы для пополнения каталога приемов дискредитации по национальному признаку, прежде всего в дискурсе русских националистов. Кроме того, материалы статьи могут использоваться для преподавания дисциплин, освещающих вопросы политической лингвистики, лингвистической экспертизы текстов.

Основная часть

Настоящее исследование представляет собой анализ документов СССР периода позднего сталинизма, определяющих евреев в качестве врага, противостоящего советскому идеалу. Подобные институциональные антисемитские тексты образуют единство на прагматическом и тематическом уровнях, что позволяет рассматривать их в качестве дискурса, воспроизводимого в однотипных условиях социального и идеологического порядка (Манаенко, 2008). Для нашего исследования прежде всего важны именно идеологические условия, так как ДГА в соответствии с представлением Ю. С. Степанова (1995) воспринимается «особым “ментальным” миром» или «возможным (альтернативным) миром», создаваемым в результате «особого использования языка» (с. 38-39, 44). В нашем понимании, идеологические условия – это представления автора и адресата об идеологическом идеале, которые реализуются с помощью дискурса. Особенности выражения таких представлений порождают специфику дискурса.

Совершенно очевидно, что ДГА невозможно рассматривать вне коммуникативной ситуации (Карасик, 2009, с. 278), определяемой идеократической нормативной системой (Карасик, 1991, с. 18) Советского государства конца 40-х – начала 50-х годов, то есть ДГА является неотъемлемой частью тоталитарного дискурса.

К конституирующим признакам советского тоталитарного дискурса относятся такие зависящие друг от друга свойства, как ритуализированность, фидеистичность и идеологичность.

Как утверждает Ю. И. Левин (1994), «в тоталитарном обществе ритуализованная речевая сфера, имеющая в “нормальном” обществе достаточно узкие пределы употребления, разбухает, перерождается и... поглощает исконно чуждые ритуалу области» (с. 147-148). Гипертрофированная ритуализированность политического дискурса СССР зависит прежде всего от самой высокой степени жесткой драматургической схемы (Гофман, 2000) реализации «возможного (альтернативного) мира» (Степанов, 1995, с. 44) или выражения «особой идеологии» (Степанов, 1995, с. 38), когда дискурс представляет собой череду обязательных для коммуникантов ритуалов (Кассирер, 1990; Кронгауз, 2013; Левин, 1994, с. 147-151).

Фидеистичность тоталитарного дискурса связана с магической функцией слова, возможной благодаря фантомности и смысловой неопределенности политического термина (Шейгал, 2000, с. 76-78). Десемантизированные слова – часть ритуала, призванная «вызывать вполне определенные действия и возбуждать вполне определенные эмоции» (Кассирер, 1990, с. 582-583).

Идеологичность тоталитарного дискурса – свойство, которое возникает, когда язык используется в качестве инструмента реализации государственной идеологии (Купина, 1995, с. 7) или, шире, в качестве «инструмента социальной власти» (Блакар, 1987). Идеологичность реализуется через идеологический идеал – то, что отражает «иерархию существующих ценностей» (Погорелова, 2017, с. 101) коммуникантов, – и порождает персуазивность дискурса, предназначенного для аргументативного воздействия на адресата. Важно заметить, что политическая идеологичность непременно подразумевает иррациональное (схожее с религиозным (Шейгал, 2000, с. 41)) принятие идеологического идеала и следование ему.

Идеологический идеал в ДГА определяется через понятие «советское», связанное с «мировоззрением и практическими задачами рабочего класса, преданностью советской власти» (Ушаков М. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. М., 1940. Т. 4. С – Ящурный. Стб. 341-342), находит выражение посредством формулы «советское» есть Р. Очевидно, что Р связано с положительной оценкой говорящего и адресата тоталитарного дискурса. Р – это идеологический «аксиологический итог» (Арутюнова, 1999, с. 198), который в антисемитском тексте совсем не требует выражения, однако нуждается в охрании, реализующемся прежде всего через истинностную («советское» истинно) и/или этическую («советское» добродетельно), и/или нормативную («советское» обязательно (правильно)) оценку: *Вместе с великим русским народом и другими братскими народами мы справедливо гордимся нашей Великой Родиной – Советским Союзом, нашей цветущей Грузией, нашими Великими Вождями ЛЕНИНЫМ и СТАЛИНЫМ, нашим Правительством и Коммунистической Партией, ибо благодаря их правильной политике и неустанной заботе о нас, мы, которых раньше ставили ниже собак, стали полноправными гражданами Советского Союза, из рабов стали свободными, и мы убеждены, что мы, евреи, а в особенности грузинские евреи, самый счастливый народ, а потому готовы жертвовать своей жизнью своей Родине – Советскому*

Союзу, уничтожить всех, кто посмеет посягнуть на Советскую власть, на завоевания Великого Октября, если даже допустить, что этот изверг будет из нашей семьи (ГАСССР, 2005, с. 279). Иррациональность принятия адресатом ДГА идеологического идеала заключается в безусловной вере в эту оценку, в текстуально запрограммированном некритическом отношении к подобным аргументам, когда «советское», истинное, добродетельное, обязательное (правильное), противостояит «враждебному», ложному, порочному (аномальному).

Охранительная направленность ДГА порождает враждебность по отношению к евреям, что позволяет рассматривать его в качестве интолерантного типа дискурса власти (Василенко, 2021, с. 11-12), в котором отражается противостояние коммуникантов (автора и адресата) евреям, занимающим позицию «врагов». Первоначальный враждебный мотив ДГА, несомненно, обладает этническим характером: евреи противопоставляются как отдельным национальностям, например русским и украинцам (*Некоторые представители еврейской интеллигенции из числа писателей, журналистов, врачей, адвокатов, пользуясь популярностью и авторитетом, ведут линию на националистическое единение евреев, разжигают вражду к украинцам и русским* (ГАСССР, 2005, с. 101)), так другим народам СССР и в общем (*ЕАК неправильно освещает роль и место еврейского населения в жизни СССР, показывая его жизнь оторванной от жизни других народов СССР и раздувая роль еврейского населения и в особенности еврейских интеллигентов до такой степени, что создается неправильное впечатление о ведущей, если не решающей, роли евреев во всех областях жизни СССР. Одновременно жизнь и деятельность других многочисленных народов СССР Еврейским антифашистским комитетом систематически замалчиваются* (ГАСССР, 2005, с. 101)).

Этническое противостояние, легшее в основание ДГА, неизбежно и скоро трансформируется в политико-идеологическое: «...реальное группирование друзей и врагов бытийственно столь сильно и столь первостепенно значимо, что в тот самый момент, когда неполитическая противоположность вызывает такое группирование, она отодвигает на задний план свои предшествующие критерии и мотивы... и подчиняется... условиям и выводам из (отныне уже политической) ситуации» (Шмитт, 2016, с. 312). В таком случае враждебность и политическая идеологичность ДГА, нацеленные на охранение идеологического идеала, объединяясь, сочетают (Василенко, 2021, с. 11) стратегии дискредитации (когда евреев представляют в качестве идеологических врагов) и убеждения, утверждающие идеологический идеал. Точнее сказать, что данное сочетание порождает стратегию идеологического обвинения, свидетельствующую о стремлении причинить поражение евреям.

Вина евреев проявляется прежде всего в исповедовании идеологии национальной борьбы евреев против «советского», которая обозначается наименованиями **сионист/сионистский – националист/националистический**. Данная идеологема достаточно органично встраивается в ряд **антисоветский – буржуазный – вражеский/враждебный**, реализуя одно из основных свойств идеологического словаря тоталитарного дискурса – семантический примитивизм как следствие идеологического примитивизма (Купина, 1995, с. 10). Десемантизируясь, члены этого ряда в антисемитском тексте образуют устойчивые сочетания в различных вариациях: *Необходимо давать отпор всем антисоветским буржуазно-националистическим сионистским взглядам, систематически разоблачать и критиковать их* (ГАСССР, 2005, с. 83); *Буржуазные националисты ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, БРОХИН и РУТЕНБЕРГ находились в идеологических связях с американской еврейской националистической буржуазией и насаждали среди еврейского населения враждебные советскому народу буржуазно-националистические идеи* (ГАСССР, 2005, с. 220) и т.д. Подобные сочетания выступают обязательными для антисемитского текста штампами, маркирующими ритуал обвинения евреев в нарушении идеологической нормы, являющей собой «советский» идеологический идеал и «форму» реализации данного идеала.

В ДГА выделяются следующие приемы обвинения:

1. Обвинение в вытеснении из отдельных сфер деятельности представителей иных национальностей, прежде всего русских: *Уже наступает время, когда русского профессора можно будет выставить только для обозрения, а руководителей здравоохранения русских уже не осталось и для музея. Аптечное дело на 100% находится в руках евреев* (ГАСССР, 2005, с. 432).

2. Обвинение в преувеличении роли евреев в жизни и деятельности СССР, в Великой Отечественной войне: *Во многих материалах, подготовленных или направленных за границу, особо выпячивается роль евреев в Отечественной войне, в промышленности, науке и культуре и создается в ряде случаев такое впечатление, будто своим успехом Советский Союз главным образом обязан евреям* (ГАСССР, 2005, с. 140).

3. Обвинение евреев в деятельности, приносящей вред советскому идеологическому идеалу: *Евреи мешают переделывать психологию советских людей в коммунистическом духе. Во все области нашей жизни они вносят дух торгашества, личной корысти, беспринципной круговой поруки, подхалимства и лицемерия. <...> Ведь гадают они нам, все извращения корнями своими уходят в их проделки, в их психологию* (ГАСССР, 2005, с. 299). В данной группе аргументов можно отдельно выделить обвинения в антисоветской деятельности в целом (*Резко националистически себя также проявляет входящий в группу Гофштейна писатель Горенштейн, антисоветские высказывания которого носят террористический характер* (ГАСССР, 2005, с. 102)); в сотрудничестве с врагами СССР (*...во время приезда видных заграничных еврейских деятелей в Советский Союз. Фейер имел несколько встреч с установленным разведчиком – американским корреспондентом в Москве Магидовым* (ГАСССР, 2005, с. 120)); в стремлении к культурной обособленности, автономии, эмиграции (*...с тем, чтобы легче было осуществлять националистическую работу и получить территорию для создания самостоятельной еврейской республики в Крыму. <...> В целях популяризации среди евреев своей идеи создания еврейской республики в Крыму МИХОЭЛС и БЕРГЕЛЬСОН готовили в еврейском театре постановку пьесы «Принц Реубейни», в которой протаскивалась идея создания еврейского государства и его деятельная связь с другими странами* (ГАСССР, 2005, с. 150); *В результате возросшей антисоветской активности еврейского националистического элемента среди еврейского*

населения, проживающего на территории Белоруссии, имеют место эмиграционные настроения о выезде в США, Палестину, Польшу и другие страны, как легальным, так и нелегальным путем (ГАСССР, 2005, с. 133)); в клевете на советскую власть (здесь необходимо особо выделить обвинение советской власти в антисемитизме): Эти лица, как установлено, проводят среди еврейского населения националистическую агитацию, распространяя измышления о якобы предвзятом отношении советской власти к еврейским театрам, и призывают в связи с создавшейся якобы антисемитской обстановкой ответить частым посещением театра (ГАСССР, 2005, с. 298).

4. Обвинение в неследовании советскому идеологическому идеалу: *Выходящая в Москве еврейская газета «Эйникайт», литературные критики и еврейская секция Союза писателей даже после постановления ЦК ВКП(б) о ленинградских журналах не подвергли большевистской принципиальной критике национализм и религиозную мистику в еврейской советской литературе, ошибки поэтов и писателей* (ГАСССР, 2005, с. 94).

5. Обвинение в космополитизме, в преклонении перед иностранной культурой: *С чувством глубокого возмущения мы, студенты-литераторы московских вузов, узнали о преступной деятельности группы врачей-убийц, презренных еврейских сионистов и о взрыве бомбы в советском посольстве в государстве Израиль. В свете этих событий становится более ясной деятельность критиков-космополитов, как разоблаченных в 1949 г. (Юзовский, Гурвич, Данин, Борщаговский, Исбах и др.), так и работающих на литературном поприще и поныне, чаще всего под различными псевдонимами (А. Марголина – Акимова, Лев Озеров – Гольдберг, С. Львов – Гец и др.)* (ГАСССР, 2005, с. 344); *В творчестве некоторых еврейских писателей заметно преклонение перед зарубежным еврейством. Неприкрытое выражение этого низкопоклонства можно найти в стихотворении Д. Гофштейна «День»* (ГАСССР, 2005, с. 93).

Исходя из положения, что «всякое высказывание диалогично, т.е. адресовано другим, участвует в процессе обмена мыслями, социально» (Бахтин, 1997, с. 213), мы рассматриваем ДГА в качестве диалога, который обладает особой структурой, характеризующейся «определенными ходами и правилами их сочетаемости», когда «на первый план... выходит функциональная направленность высказываний, а не... конкретное лексическое наполнение реплик» (Злобина, Кумпан, Иванова, 2018, с. 100).

Распределение коммуникативных ролей в ДГА не совпадает с наиболее общей схемой взаимодействия автора и адресата в тоталитарном дискурсе: власть – общество, индивидуум, когда «реальные властные структуры» пытаются «воздействовать на общественное и индивидуальное сознание и тем самым достигают определенных политических целей» (Кронгауз, 2013, с. 11). В нашем случае антисемитский институциональный диалог строится по обратной схеме, предполагающей в качестве говорящего общество (индивидуума или определенные элементы государственной системы, обращающиеся к органам власти, находящимся иерархически в более высоком положении). Такое коммуникативное направление позволяет первичный антисемитский текст в какой-то мере соотносить с фидеистическими «просьбами-пожеланиями» (Мечковская, 1998, с. 79) или «призывами-просьбами» (Бобырева, 2013, с. 101): ср. просьбу Л. Макарова к Политбюро ЦК ВКП(б): *Все, что здесь написано – это не есть великодержавный шовинизм, а это есть желание русских получить национальное равноправие. Помогите же русскому человеку, ведь среди русских много-много очень способных людей* (ГАСССР, 2005, с. 91); предложение, адресованное Секретариату ЦК ВКП(б): *На основании изложенного Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) считает дальнейшее существование Еврейского антифашистского комитета в СССР нецелесообразным и политически вредным и вносит на Ваше рассмотрение предложение о его ликвидации* (ГАСССР, 2005, с. 91).

Подобные обращения к высшим органам государственной власти не подразумевают прямой вербальной реакции адресата (как и жанр религиозной молитвы), но получают косвенный ответ, оформленный с помощью различных юрисдикционных жанров, наделяющих евреев состоянием виновности: протоколов допроса, постановлений, заключений (обвинительных, экспертных и др.), судебных решений: *...судом ЭЙДИНОВ признан виновным в том, что с 1942 года являлся руководителем антисоветской еврейско-националистической группы, действовавшей на московском автозаводе и проводившей вредительско-подрывную работу* (ГАСССР, 2005, с. 367). Состояние виновности евреев – это тот оценочный результат, который способствует достижению основной цели ДГА – охране советского идеологического идеала от вредного воздействия евреев.

Заключение

В качестве выводов могут послужить следующие положения.

Являясь неотъемлемой частью советского тоталитарного дискурса, ДГА особенно реализует свойство идеологичности: советский идеологический идеал утверждается через его охранение от вредного национально-политического воздействия евреев.

Такая враждебная направленность ДГА предполагает построение ритуала обвинения евреев в нарушении советских идеологических норм, который маркируется рядом идеологем: **сионист/сионистский – националист/националистический/антисоветский – буржуазный – вражеский/враждебный**.

В целом ДГА представляется институциональным антисемитским диалогом, в котором высшие органы государственной власти получают обвинения евреев просьбы, пожелания фидеистического характера и реагируют на них с помощью юрисдикционных документов, наделяющих евреев свойством виновности.

Перспективными исследованиями российского институционального антисемитского дискурса видятся описания прагматических и тактических особенностей ритуалов обвинения евреев в разные периоды его существования (до и после 1917 года). Кроме того, достаточно актуальными будут работы, посвященные преемственной связи современного неинституционального и государственных (периодов Российской империи и СССР) антисемитских дискурсов.

Финансирование | Funding

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-012-00111, проект «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

The reported study was funded by the RFBR, research project No. 20-012-00111 “Russian nationalism in the linguistic and legal aspect: Pragmatics, dynamics, expertise”.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Бахтин М. М. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. Работы 1940-х - начала 1960-х годов.
3. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987.
4. Бобырева Е. В. Коммуникативный компонент жанров молитвы и исповеди в пространстве религиозного дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Орел, 2013.
5. Бонола А. П. Языковые формы тоталитарной и анти тоталитарной коммуникации в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420.
6. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009. № 27.
7. Василенко Е. Н. Интолерантный дискурс в общей парадигме дискурса // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 4.
8. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
9. Злобина И. А., Кумпан Н. А., Иванова А. А. Манипулятивная стратегия на понижение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-1 (86).
10. Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 1991.
11. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
12. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». 1990. № 2.
13. Кронгауз М. А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Ритуал в языке и коммуникации: сб. ст. / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. М., 2013.
14. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург - Пермь, 1995.
15. Левин Ю. И. Истина в дискурсе // Семиотика и информатика. 1994. Вып. 34.
16. Манаенко Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2008.
17. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: ФАИР, 1998.
18. Погорелова С. Д. Структура оценочной ситуации и ее компоненты // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 3 (399).
19. Самелик Ю. Л. Специфика дискурса обвинения в рамках советского уголовного процесса: дело «Мракобе-сы» // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89).
20. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сб. ст. М., 1995.
21. Темникова Н. Ю., Филиппова Е. А. Язык тирании и нарциссизм (на примере риторики Сталина) // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90).
22. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2000.
23. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.
24. Vouilov V. Новояз как квазиязык политической догмы для провозглашения нового идеального общества // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2020. Т. 5. № 2.

Информация об авторах | Author information

Голиков Леонид Михайлович¹, к. филол. н., доц.

¹ Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

Golikov Leonid Mikhailovich¹, PhD

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

¹ lgolikov@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.10.2022; опубликовано (published): 30.11.2022.

Ключевые слова (keywords): тоталитарный дискурс СССР; дискурс государственного антисемитизма СССР; идеологический идеал; обвинение; USSR totalitarian discourse; discourse of state anti-Semitism in the USSR; ideological ideal; accusation.